

Введение

Основная мысль этой книги довольно простая: толкование посланий Павла в период Реформации представляет большую ценность для современного читателя новозаветных посланий. Это вовсе не означает, что реформаторы были во всем правы и их мнение – окончательное и неоспоримое. Наши и их толкования предназначены для разных эпох, и сам по себе возврат к экзегезе реформаторов скорее пробудил бы бессмысленную ностальгию о прошлом вместо поиска ответа на насущные вопросы. Тем не менее их труды могут внести существенный вклад в современное обсуждение посланий Павла. До недавнего времени диалог с реформаторами никак не складывался у современных ученых. Причиной тому послужили определенные изменения в западном мире за последние несколько десятилетий. Мы слишком долго жили в неопределенности между постмодернистским скептицизмом, согласно которому любое толкование подлежит деконструкции, а притязания на истинность могут вызвать лишь подозрения, и историко-критическим анализом, цель которого – восстановить первоначальное намерение авторов библейских текстов и то, как их понимали первые читатели. Из этих двух подходов исторический анализ, на мой взгляд, все же предпочтительнее, поскольку скептик пилит сук, на котором сидит, заявляя, что истинное толкование невозможно в принципе, потому что единственный голос, который мы способны услышать – наш собственный. Несмотря на все недостатки историко-критического метода, его представители, по крайней мере, стараются услышать других.

Тем не менее слабые стороны историко-критического толкования

Павловых текстов оказались на поверхности, и самая заметная из них – игнорирование работ всех толкователей, кроме совсем недавних. Чаще всего нас интересует современный период и период I века, но нам нет никакого дела до целых поколений толкователей, которые трудились в промежутке между этими двумя периодами. Но с исторической точки зрения это серьезное упущение. Толкование подразумевает личное участие толкователя, который живет в каком-то историческом контексте. Прошлое – это иностранная держава, которая с империалистическими амбициями агрессивно колонизирует настоящее. Хотим мы того или нет, нравятся нам толкования наших предшественников или нет, их влияния невозможно избежать. Анализ их работ поможет нам не только понять себя как толкователей, но и делает нас более подготовленными к толкованию посланий Павла. Если мы проигнорируем их труды, они останутся для нас неизвестными, но от этого не перестанут влиять на нас. По этим причинам возросшее внимание к истории рецепции в последние годы в академической среде представляет собой обнадеживающую тенденцию. В первой главе я обсуждаю положительные результаты этой тенденции в попытках понять, чем могут помочь нам труды предшествующих толкователей. Особое внимание уделяется взаимосвязи целей и методов историко-критического и богословского подходов к толкованию, а также проблемам, связанным с конфликтом интерпретаций. Я считаю, что цели историко-критического анализа и богословского толкования различны, и нежелание признать это приводит к затруднениям и путанице. Но как только все становится на свои места, историко-критический анализ с его критерием исторической вероятности занимает свое законное место в богословском толковании, необходимом для церкви. Это рассуждение представлено на фоне герменевтической размовки в известном споре Эразма и Лютера о свободе и рабстве воли. Уже в 1520-е годы некоторые из наиболее известных нам герменевтических проблем вырисовывались на фоне критики Лютером средневековой церкви как главного авторитета в толковании Библии. Разногласия между Лютером и Эразмом о природе самого толкования послужили хорошим примером для обсуждения современных герменевтических вопросов.

Эти герменевтические вопросы еще раз показывают своевременность исследования толкований посланий Павла реформаторами. Но это не единственная причина, и даже не главная, поскольку идеи

реформаторов часто обсуждаются в современных дискуссиях о богословии Павла. Книга Э. П. Сандерса «Павел и палестинский иудаизм», увидевшая свет в 1977 году, стала своеобразной вехой в исследованиях посланий Павла, которая изменила направление в толковании, заданное трудами реформаторов. Эта богословская революция вскоре получила название «новый взгляд на Павла» (далее – новый взгляд), и в течение последних десятилетий представители это взгляда непрерывно твердят об ошибочном понимании реформаторами богословия апостола язычников. Первые обвиняют последних в искаженном понимании иудаизма как религии оправдания делами, в ошибочном изображении прежней жизни Павла как фарисея, страдающего от угрызений совести из-за своей неспособности соблюдать закон, в подчеркивании юридической стороны оправдания в учении Павла, сводившегося к абстрактной договорной фикции. Реформаторы – это прошлое, которому современные толкователи так или иначе себя противопоставляют. Тем не менее в 1980-х и 1990-х годах некоторые ученые стали обращаться к толкованию реформаторов, а такие выдающиеся историки, как Хейко Оберман, Дэвид Стейнмец и их ученики, опубликовали ряд серьезных исследований этого вопроса. Несмотря на эти попытки, взгляды реформаторов стали мрачным фоном, на котором идеи представителей нового взгляда сияли все ярче, и все меньше мы обнаруживаем желающих присмотреться к самому фону, чтобы как можно точнее передать его образ.

Это прискорбно, поскольку толкования реформаторов не так уж далеки на самом деле от идей представителей нового взгляда. Последние действительно сделали значительный вклад в описание иудаизма Второго Храма. Реформаторы обвиняли церковь своего времени в ложном учении о спасении по делам и сравнивали ее с противниками Павла, что послужило искажению представлений об иудаизме следующими поколениями ученых. Однако в других вопросах предполагаемые отличия были преувеличены, особенно что касается понимания реформаторами совести и оправдания по вере. Уже сама эволюция научных взглядов ставит под сомнение наличие серьезного контраста между новым взглядом и толкованиями реформаторов. В середине XX века богословская мысль Мартина Лютера чаще всего толковалась в свете экзистенциального прочтения процесса оправдания, которое понималось юридически и считалось центральной идеей. Следующие поколения исследователей подчеркивали апокалиптический характер

взглядов Лютера (Оберман), а затем – единение со Христом (финская школа). Случайно ли, что толкование Павловых посланий так же несло на себе отпечаток времени? Экзистенциальные прочтения богословия Павла (Бультман) сменились апокалиптическими, а далее мы наблюдаем всплеск интереса к вопросу об участии во Христе, сохраняющийся по сей день. Таким образом, хотя реформаторы – далеко не единственные персонажи в истории рецепции, у которых современным толкователям есть чему поучиться, есть причины, почему сегодня именно они заслуживают пристального внимания. Есть много и других богословов, представляющих различные традиции толкования, которые также могли бы помочь нам в толковании Павловых посланий, однако реформаторы уже вовлечены в диалог, даже если их вклад часто понимается неверно учеными-новозаветниками.

Поэтому одна из основных задач в анализе толкования реформаторов заключается в том, чтобы верно обрисовать основные отличительные черты этого толкования. Вторая и третья части моей книги посвящены именно этой задаче. При этом внимание уделяется как единству, так и разнообразию во взглядах реформаторов. Как отмечает Уорд Холдер: «В XVI веке не было никакого единого “Павла”», однако это не означает наличия хаотичного разнообразия, потому что «всегда существуют определенные традиции толкования, которые оказывают господствующее влияние и на академическое, и на церковное сообщества».¹ Хотя реформаторы разнятся в своих взглядах, вместе они сформировали новую традицию понимания богословия Павла, которая преобразила старые – патристические и средневековые – модели истолкования его посланий. Во второй части книги (главы с второй по четвертую) рассматриваются основные черты этой новой традиции. Как в отношении бедственного положения человека вне Христа (в третьей главе рассматриваются такие понятия, как грех, закон и совесть), так и в отношении спасения во Христе (в четвертой главе обсуждаются дела закона, благодать и вера) реформаторы приходят к общим экзегетическим выводам, которые формируют сотериологию, существенно отличающуюся от средневековой традиции (глава вторая). Это ударение на отличии идет вразрез с последними тенденциями в историографии Реформации, где больше говорят о

¹ R. Ward Holder, “Introduction” in *A Companion to Paul in the Reformation*, ed. R. Ward Holder (Leiden: Brill, 2009), 2, 10.

преемственности между богословием реформаторов и средневековой традицией. Реформаторы, как мы увидим, выступили против своих католических оппонентов единым фронтом, так что их общие выводы в толковании посланий Павла можно назвать новой экзегетической грамматикой, проведя аналогию с правилами грамматики для формирования структуры языка. Разногласия и различные акценты в толковании реформаторов действительно есть, однако они остаются в рамках структуры, установленной их общими экзегетическими выводами, их экзегетической грамматикой.

Под термином *реформаторы* я подразумеваю в этой книге определенный период и конкретных людей. Это название вполне бы подошло для обозначения всех, кто выступал за реформу церкви в XVI веке, охватывая, таким образом, более широкий круг лиц. Сюда можно было бы отнести и анабаптистских богословов, и католиков, желавших изменений в церкви. Однако мое использование этого термина обусловлено современными дискуссиями о толковании посланий Павла. Реформаторами я называю ранних лютеранских и реформатских экзегетов, установивших такие направления в толковании, которые до сих пор играют важную роль в контексте обсуждения нового взгляда. Эта сосредоточенность на лютеранской и реформатской традициях сохраняется и в третьей части книги (главы с пятой по седьмую). Отдельные богословы здесь выбраны отчасти из-за последующего влияния их толкований, а отчасти – в виде противопоставления второй части книги, где внимание сосредоточено на единстве толкования Павловых писем реформаторами, поскольку в их трудах заметно разнообразие точек зрения по важным вопросам. Несмотря на широкое согласие между ними по многочисленным экзегетическим вопросам, Лютер (пятая глава), Меланхтон (шестая глава) и Кальвин (седьмая глава) разнятся во мнениях по ряду важных сторон учения об оправдании верой, особенно в том, что касается его взаимосвязи с лексикой Павла касательно пребывания во Христе и используемыми им сопутствующими образами (например, сораспятия со Христом). Лютер преподносит идею единения со Христом как ключевую для своего объяснения оправдания в письмах Павла, тогда как Меланхтон об этом не говорит явно, а Кальвин, хотя и разделяет мнение Лютера по этому вопросу, рассматривает отдельно оправдание и освящение как две стороны единения со Христом. В дальнейшем я не делаю разграничения между фразами *единение со Христом* и *участие во Христе* и

использую эти выражения в таком же широком значении, каким они обладают в Павловых посланиях.

Только после обширного описательного анализа толкования реформаторами Павловых текстов, позволяющего увидеть его основные черты, можно создать платформу для серьезного диалога между реформаторами и представителями нового взгляда. Только так можно будет установить характер сходств и различий между экзегезой толкователей посланий Павла в XVI веке и в наше время. И тут возникает закономерный вопрос: кто же из них лучше понял богословие Павла? Я не разделяю мнение Холдера, который считает этот вопрос не таким уж важным с исторической точки зрения.² Современные ученые не могут выполнить свою задачу, если отодвигают вопрос, чье прочтение Павла верное, на второй план. Если мы хотим избежать произвольного толкования, пытаясь разобраться, насколько наше толкование и церковная жизнь отражают или искажают намерения апостола, то нам, современным толкователям, придется ответить на этот вопрос. Не следует задавать его преждевременно, как будто нас интересует только то, насколько толкователи прошлого превосходят наши собственные экзегетические выводы. Если мы будем столь поспешны с выводами, то мало чему научимся из истории рецепции, поскольку наши собственные предположения всегда будут довлеть над остальными. Мы упустим возможность увидеть собственное толкование чужими глазами. Однако этот вопрос нельзя и бесконечно откладывать, он играет важную роль для любого исторического исследования. Ведь историк не может отделить себя от истории. Исследователи реформаторской экзегезы посланий Павла могут и не пытаться определить, кто в XVI веке был более прав в своих работах, однако их прямая обязанность – понять степень влияния на себя и свои труды предшествующих толкователей богословия Лютера. Их собственные представления о богословии Лютера исторически обусловлены, а их стремление к более четкому пониманию требует изучения и беспристрастной оценки собственной зависимости от многогранной традиции истолкования богословия Лютера. Историк, исследующий период Реформации, действительно желает знать, кто правильно понял Лютера. Точно так же исследователи Нового Завета не могут избежать вопроса о том, насколько правильно реформаторы

2 Holder, "Introduction," 3.

истолковали Павла в своих экзегетических трудах. Это относится и к тем исследователям Нового Завета, которые определяют свои цели как чисто исторические, и к сторонникам богословского толкования, считающим тщательное историческое исследование экзегетических выводов важным шагом к верному истолкованию Павловых посланий для современной церкви.

Таким образом, в четвертой части этой книги (главы восьмая и девятая) я пытаюсь создать платформу для конструктивного диалога между реформаторами и современными учеными. Одна из основных задач в этом разделе – показать, как экзегетические выводы реформаторов вскрывают слабые места в современных исследованиях. После длительного периода положительного восприятия реформаторского толкования богословия Павла в протестантском научном мире, появление нового взгляда привело к тому, что взгляды реформаторов в наши дни, как и в XVI веке, представляют собой угрозу для господствующих представлений. В результате этого диалога я прихожу к нескольким важным заключениям.

1. Не нужно противопоставлять реформаторское и современное толкования Павловых посланий. В некоторых важных вопросах, особенно в том, какой смысл Павел вкладывает в понятия *грех* или *плоть*, популярные современные взгляды зависят от экзегетических доводов, предложенных реформаторами. В других случаях современные ученые усиливают некоторые идеи реформаторской экзегезы за счет других. Например, божественная инициатива выпячивается в ущерб отклику человека (Дуглас Кэмпбелл), а реформатская тема завета – в ущерб традиционному описанию оправдания (Н. Т. Райт).

2. В современных новозаветных исследованиях обычно искажается роль идеи интроспективной совести в реформаторском толковании Павловых посланий. Современные ученые, пойдя неверным путем вслед за Кристером Стендалем, который без должного исторического обоснования провел прямую линию преемственности от Августина к Лютеру и Фрейду,³ часто предполагают, что, по мнению реформаторов, Павел до своего обращения изо всех сил пытался соблюдать закон, однако не преуспел в этом. Это не так, и на самом деле выражение Павла *дела закона* реформаторы связывают не с такой внутренней борьбой, а с ложной уверенностью в исполнении закона. Основная

3 Holder, "Introduction," 6.

роль закона, в их понимании, заключается в раскрытии греха, однако это не отражает эмпирическую последовательность, в которой обвинение в грехе благодаря закону обязательно предшествует покаянию и вере.

3. Реформаторы и представители нового взгляда серьезно расходятся в толковании выражения *дела закона*. Представители нового взгляда верно отмечают, что данное выражение не обозначает якобы распространенное среди иудеев учение о спасении по делам. Реформаторы здесь неверно истолковали Павла. Однако и представители нового взгляда заблуждаются, когда в целом признают, что под этим выражением подразумевается иудейский образ жизни, характеризующийся соблюдением заповедей закона, но при этом настаивают, что в посланиях Павла все отсылки к делам закона указывают исключительно на социальную функцию – отделение иудеев от язычников. Однако они забывают, что для Павла граница между иудеями и язычниками – это также граница между святостью и греховностью. Павел не всегда подразумевает это в своем противопоставлении дел закона и оправдания верой, однако везде, где он заостряет на этом внимание, его слова следует толковать буквально.

4. Работы Лютера и Кальвина – важный источник, который мог бы помочь в современных толкованиях учения Павла о спасении. Каждый из них выразительно подчеркивает праведность Христа как чуждую человеку по природе, и настаивают, что она даруется верующему исключительно в единении со Христом. Таким образом, мы видим сбалансированное учение о спасении, которое сохраняет ударение на достаточности Божьей благодати, независимой от любых человеческих заслуг, не умаляя при этом преобразования верующих и важной роли церкви.

5. Стремление современных исследователей Павловых посланий выделить идею божественной инициативы в спасении и подчеркнуть, что верующие участвуют в верности Христа (субъектное прочтение выражения *πίστις Χριστοῦ* в противовес объектному – вере во Христа), привело к пренебрежению темой проповеди евангелия и к противоречивым представлениям о человеческой вере. Современная наука остро нуждается в таком представлении этих важных тем, в котором бы признавалось, что проповедь евангелия и вера в него – также божественные действия, хотя и совершаемые через людей. Поскольку это божественные действия, их следует объединить

с апокалиптическим мотивом в богословии Павла и идеей участия во Христе.

6. Описание Н. Т. Райтом оправдания с точки зрения отношений в завете, в котором оправдание означает божественный вердикт о причастности к Божьему народу, в сути своей ошибочное. Имеющиеся в нашем распоряжении лексические данные подтверждают традиционное понимание, что оправдание, в первую очередь, касается того, каким образом уверовавшие получают через Христа прощение и освобождение от грехов. Толкования Лютера и Кальвина в этом случае снова оказываются полезными, уводя нас подальше от узко юридических толкований. Они правильно говорят, что верующие получают праведность Христа, но получают ее только тогда, когда верой соединяются со Христом. Когда вера держится за Христа и принимает его праведность, тогда создается церковь, тело Христа в этом мире.

7. Согласование наиболее важных идей реформаторов и представителей нового взгляда вполне возможно и достижимо в рамках экзегетического исследования. Когда ключевые тексты, подобно четвертой главе Послания к Римлянам, рассматриваются как в свете учения Реформации, так и в свете современных исследований, тогда идеи, часто воспринимаемые как несхожие и взаимоисключающие, оказываются вполне согласованными и взаимно подкрепляют друг друга. В правильно истолкованной четвертой главе Послания к Римлянам мы видим не только невозможность оправдания с помощью человеческих заслуг, но и акцент на всемирной семье Авраама, а также описание оправдывающей веры как участия верующего во Христе и его праведности.

Рассуждения в этой книге будут снова и снова подкреплять вышеизложенные выводы. Читать ее можно по-разному в зависимости от основных интересов читателя. Если читатель интересуется в основном представлениями XVI века и предложениями реформаторов по толкованию богословия Павла, он может сразу перейти ко второй и третьей частям этой книги. Кого больше интересует современное состояние исследований в области посланий Павла, могут сосредоточить внимание на первой и четвертой частях. Тем же, кто хочет проследить, как толкование отдельных терминов в текстах Павла повлияло на понимание бедственного положения человека вне Христа и спасения во Христе, я бы порекомендовал обратить особое внимание на вторую часть книги, где рассматриваются представления ре-

Введение

форматоров, и на первую половину четвертой части (глава восьмая), где обсуждаются современные представления. А тем, кому особенно интересна тема оправдания верой и ее связь с участием во Христе, я советую третью часть книги и вторую половину четвертой части (глава девятая). Независимо от интересов читателя, обратившегося к моей книге, надеюсь, мне удастся убедить его в следующем: если мы хотим правильно толковать слова Павла сегодня, нам следует уделять больше внимания их толкованию в прошлом.